

О СПОСОБАХ ВЫКУПА КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН

Ответы на некоторые из «Вопросов по сельскому благоустройству» г. Кошелева («Сельское благоустройство», № 1) ¹

Audiat et altera pars.
Выслушивай обе стороны.

Умолчать о своем происхождении не могу я уже и потому, что оно обнаруживается самою фамилиею моею «Каракозовский» ²: окончание имени ясно говорит, что человек, его носящий, принадлежал некогда владельцу, от фамилии которого произведено его прозвание. Действительно, я был крепостным человеком помещика С... губернии Х... уезда, Владимира Порфирьевича г. Каракозова. Эта особенность происхождения моего, вероятно, пробуждает в читателе желание узнать некоторые подробности моей жизни, чтобы предугадать по ним чувства, долженствующие иметь влияние на образ моих понятий о предмете настоящей статьи. Я не намерен обременять читателя теми сведениями о моей личности, которые могут быть интересны разве для моих детей, а не для публики; но без всякой утайки расскажу то, что нужно знать обо мне читателю для составления точного понятия о моих чувствах по делу развязки прежних отношений между мужиком и помещиком.

Отец мой был достаточным мужиком в деревне Каракозовке, в которой, впрочем, из двадцати мужицких семей не было семьи беднее нашей: наши мужички все жили тогда и теперь живут очень достаточно, так что было бы грех им жаловаться на бога или на помещика. Дед и отец Владимира Порфирьевича, жившие в селе Кондоли в десяти верстах от нашей деревни, которая им принадлежала вместе с селом Кондолью и двумя другими деревнями, оставили по себе между мужиками самую благодарную память. Имея до трехсот душ и живя очень скромно, большую часть своих доходов они употребляли на своих же крестьян. Нечего уже говорить о том, что при них не боялись наши отцы и

деды ни скотского падежа, ни неурожая: какую бы выгодную цену ни давали Ивану Порфирьевичу и Порфирию Ивановичу за хлеб в неурожайный год, у них поставлено было правилом ни зерна не продавать из заповедных скирдов, в которых лежал запас на прокормление всех крестьян на полтора года. Из этих скирдов хлеб выдавался только мужикам, когда по божьему гневу урожай был плох; на следующий год запас пополнялся из господского хлеба. «Своя рубашка к телу ближе, — говорили отец и дед Владимира Порфирьевича. — Если хлеба себе не оставим вдоволь, какие же мы будем хозяева? А наше дело с мужицким делом все одно: мужик сыт — и помещик сыт, а мужика оставь впроголодь — и у самого скоро в кармане пусто будет. Не мужиков кормим — себя кормим». Если у мужика падала лошадь, он прямо шел на господский двор объявить о том, — такой уж порядок был заведен. «Ну, сколько же осталось у тебя коней?» — спрашивал помещик. — «Шесть, батюшка», говорил мужик. — «Ты мужик достаточный, сам справишься как-нибудь», отвечал помещик. Но не таково бывало решение, когда у мужика оставалось только три лошади: помещик почитал уже слабым тот крестьянский дом, в котором нет четырех лошадей, и находил нужным помогать такой семье исправиться. Лошадь немедленно давалась мужику от помещика. Об этом нечего говорить потому, что из соседних помещиков многие поступали почти так же, хотя едва ли у кого щедрость соединялась с такою чрезвычайной заботливостью, как у наших. Но были в их отношениях к мужикам черты более редкие. Поставка рекрут производилась у нас по особенному порядку вроде того, как бывает у казаков: мир складывался по четыреста рублей (по тогдашнему, на ассигнации) на каждого рекрута; помещик от себя прибавлял вдвое; за 1 200 рублей тогда (лет тридцать и больше назад) легко было найти охотника или из своих, а чаще из чужих. Таким образом без доброй воли шли в солдаты только те, кого назначал мир за буйство или другие провинности, да и то не иначе, как с согласия семьи. Этим рекрутам давалось в руки двести рублей, а тысяча делилась пополам: 500 отдавалось семье, а другие 500 отдавались в ломбард на имя рекрута с выдачею ему по отставке; таким образом из наших служивых каждый при отставке получал более 1 500 рублей, а с этими деньгами тогда в деревне можно было без нужды успокоить ему свою старость. Но рекрутов из наших поместий поступало мало: в два, в три набора один; за остальных очередных нанимались охотники из мещан города Х. Крестьянские свадьбы справлялись у нас почти исключительно на счет помещика: он и на церковные расходы денег пожалует, он и телку или барана подарит, он и вина пришлет, он и молодым почти что все обзаведение подарит; мужику, когда женит сына, только и расходов было, что браги наварить. Расскажу еще один случай, как мы, то есть наши отцы, отстроились после пожара, которым

бог посетил нашу Каракозовку в 1829 году. О том, что тогдашний помещик Порфирий Иванович на свой счет прикупил лесу, которого у нас не доставало, не стану говорить — это делают многие; но грех случился на святую перед самым временем пашни; до осени мужикам много отрываться от полевой работы было бы несподручно, а до ноября месяца без жилья оставаться тоже не годилось. Порфирий Иванович принимал людей и для вывозки леса на место и для срубki изб.

Таково было житье у нас при отце и деде нынешнего владельца, таковы воспоминания моего детства о помещиках. Порфирий Иванович умер (в 1833 г.), когда мне было лет десять, и я помню хорошо, как ревела навзрыд вся деревня от старого до малого, когда он скончался. Помню, как говорили тогда: «Не нажить нам такого отца родного, каков был Порфирий Иванович. Нечего сказать, мало в нашей стороне таких господ, чтобы не были отцы мужику, ну, а такого благодетеля, как Порфирий Иванович, другого уж не найдешь. Каково-то под его сыном жить станем? Говорят, тоже добрый человек, но все же при нем лучше, чай, не будет, а дай только бог, чтобы хуже не было».

Мужики обманулись в своих расчетах, и молитва их к богу осталась не услышана: не дал бог того, чтобы было только не хуже, а дал бог так, что стало лучше. Через две недели после похорон отца Владимир Порфирьевич собрался в Петербург, где служил и откуда приезжал домой только по письму об опасной болезни отца. Перед отъездом он созвал мир и объявил, что в деревне жить не будет, а управителя держать не хотел бы, потому спрашивает крестьян, не лучше ли им будет перейти с барщины на оброк. «Каков оброк наложишь, наш кормилец, — сказали мужики. — Когда оброк в меру, известное дело, по оброку жить вольготнее». — «А какой оброк, по-вашему, был бы в меру?» — спросил он. «Дело у нас небывалое, — сказали мужики, — дай нам время на неделю: в то воскресенье опять соберемся, порассудивши, да и скажем, как будет и нам не в тягость да и тебе не в обиду». Через неделю мужики сказали, что могут платить по сорока рублей (на ассигнации) с тягла. «Не тяжело ли будет?» — спросил новый помещик. Крестьяне сказали, что не тяжело. «Вы мне поусердствовать хотите, а я вам хотел, — сказал Владимир Порфирьевич, — я думал положить рублей по тридцати: ну, разделим грех пополам и будет по тридцати пяти рублей, так и положим». Крестьяне разошлись совершенно изумленные. Такой оброк продолжался до 1841 года. В этом году наш край сильно страдал от неурожая, и Владимир Порфирьевич сбавил оброк на 25 рублей ассигнациями; через два года, когда недостаток миновался, он написал, что надбавлять оброка не хочет, и мужики продолжают платить по 25 рублей ассигнациями с тягла. Такой образ действий невероятен; и стал понятен для меня только

после разговоров с моим бывшим господином в Петербурге. Наследовав от отца до 100 тысяч рублей серебром и женившись на дочери иностранного негоцианта с огромным приданым, Владимир Порфирьевич имеет огромные доходы от коммерческих и промышленных предприятий, в которых участвует. Получать с деревни вместо 1 500 рублей только 1 000 для него не составляет чувствительной разницы. «При сорока тысячах дохода,— говорил он мне,— я мог легко пожертвовать пятьюстами рублями для удовольствия облегчить моих крестьян. Я знаю, что мог бы иметь с деревень своих вдвое больше дохода, но все-таки этот доход составлял бы маловажную часть в моем бюджете. У каждого есть своя амбиция, для которой он не жалеет денег. Я мог бы тратить несколько тысяч в год на то, чтобы говорили о моих лошадях, но у меня другой *point d'honneur*, и я не нахожу, чтобы мой образ действий заслуживал больше внимания, нежели рысаки барона Д., моего компаньона по одному из моих заводов. Вы не удивлялись бы мне, если бы я содержал в Петербурге какой-нибудь приют или больницу; еще натуральнее то, что я предпочел жертвовать теми же самыми деньгами для облегчения судьбы не людей посторонних мне, а людей, с которыми связывают меня семейные воспоминания. Наконец признаюсь просто в своей слабости: мне хочется, чтобы мужики, сравнивая меня с отцом, говорили: при нем нам не хуже, чем было при его отце». Имея только двух детей, которым оставит более миллиона рублей состояния в заводах и наличном капитале, Владимир Порфирьевич решил даже, что и для них не будет, как для него нет, особенной нужды в доходах с поместья. В один из своих приездов в деревню, именно в 1851 году, он объявил мужикам, что у него написана отпускная, которой могут они воспользоваться, когда им угодно. Мужики отвечали, что пока он жив, не хотят они быть вольными. «Как вы хотите,— сказал Владимир Порфирьевич,— очень чувствительно для меня такое доверие ко мне от вас. Но если вольной вы не берете, пока я жив, все равно вольная написана. Что написано пером, не вырубишь топором, от подлиси своей отказываться мне не приходится, стало быть и оброк с вас брать себе не годится. А платить оброк вам следует, пока вы не взяли отпускной. Платите же оброк; только пойдет он теперь не на меня, а на пользу вам же. С нынешнего года пусть он поступает в мирской доход, и распоряжайтесь вы им, как хотите; а если хотите послушать моего совета, я вам присоветовал бы этими деньгами распоряжаться вот как». Он объяснил мужикам, что такое банк, что такое касса для взаимного вспоможения, и посоветовал им устроить у себя такие учреждения и также основать школу, наконец положить хорошее жалованье приходскому духовенству и назначить несколько сот рублей на воспитание даровитых молодых людей в гимназии, а потом в университете. Мир согласился, что лучше быть ничего не может. «Но,— прибавили

мужики, — без тебя, батюшка, мы этого всего уладить не можем». — «Нет, — сказал он, — я над вами теперь не помещик, и управлять вашими делами мне не приходится. А человека нужного вам вы наймите; в этом я могу быть вам полезен и, если хотите, приищу вам и пришлю из Петербурга или из Москвы такого человека, который и школой у вас будет управлять и деньги вам из одного ларца взаймы выдавать и на пособия из другого ларца деньги давать. Довольны вы им будете — держите его, недовольны — смените и поручите дело другому; это уж теперь будет в ваших руках». Крестьяне просили найти им человека. Владимир Порфирьевич уехал из деревни; через месяц приехал в его поместье молодой человек заведывать мирскими делами, но приехал он не из Москвы и не из Петербурга, а из Казани, — Владимиру Порфирьевичу случилось ехать в Петербург через Казань, и там Д. И. Мейер³, с которым Владимир Порфирьевич был приятель, рекомендовал ему своего бывшего слушателя г-на Б. Под его управлением до сих пор все идет как нельзя лучше. Крестьяне села Кондоля и принадлежащих к нему деревень живут ныне еще гораздо зажиточнее, нежели при покойном господине. Между ними нет богачей с десятками тысяч капитала, какие встречаются иногда в других селах; зато нет ни одной семьи недостаточной. У каждого есть самовар и, что еще больше может характеризовать благосостояние мужиков, у каждого в скоромные дни щи непременно с мясом; мясо у них не праздничная, а повседневная пища.

Таковы общие впечатления, под влиянием которых развились мои мнения. Всеобщее довольство, всеобщая глубокая признательность и привязанность к владельцам — вот чувства, которыми были проникнуты все люди, меня окружавшие до самого моего отъезда из деревни. Много раз после того я бывал на родине и каждый раз выносил с собой самые кроткие и отрадные впечатления. Но надобно объяснить, по какому случаю и какими средствами я покинул деревню, — это покажет читателям, каковы были личные мои отношения к помещичьей власти. В 1838 году Владимир Порфирьевич с семейством приехал на лето в свое поместье. Подле нашей деревни лежит великолепное озеро, и семья помещика часто приезжала из Кондоли в нашу деревню кататься на лодках по этому озеру. Несколько раз мне привелось быть в числе гребцов. Мне было тогда лет пятнадцать. Я как-то сошелся с Петрушено, старшим сыном помещика. При наших играх и разговорах, в то время как пили чай и отдыхали на одном из островков или на берегу, Петруша заметил, что я не только умею читать, но и довольно бойко пишу, что я знаю арифметику и священную историю и, кроме того, успел прочесть несколько книг, бывших у нашего священника, и между прочим лучше самого Петруши знаю Куликовскую битву, падение Новгорода, взятие Казани, смерть Дмитрия царевича; между прочими книгами у нашего

священника была история Карамзина, и я прочел ее раза четыре от доски до доски. Петруша рассказал об этом своим родным, и господа захотели всмотреться поближе в такой феномен, каким показался им я по рассказам Петруши. Узнав, что во мне есть сильная любовь к чтению и охота учиться, Варвара Андреевна (имя г-жи Каракозовой) сказала мужу, что они должны бы для меня что-нибудь сделать. Этими словами была решена моя участь. Владимир Порфирьевич призвал моего отца и спросил, хочет ли он, чтобы я учился. Отец отвечал обыкновенною поговоркою, что «ученье свет, а неученье тьма». Тогда меня послали в город Х. в уездное училище, причем Владимир Порфирьевич отпустил меня на волю, но прибавил, что заботиться обо мне не перестанет, если только я буду того заслуживать. Меня приняли во 2-й класс; через два года, окончив курс, я перешел во 2-й класс С-кой гимназии. В городе Х., который всего только в 30 верстах от нашей деревни, отец мог содержать меня. В уездном городе квартира нанималась мне за 80 коп. ассигн[ациями] в месяц, провизию доставлял хозяйке отец свою, я ходил в армяке из домашнего сукна. Но содержать меня в губернском городе, где жизнь гораздо дороже, содержать в гимназии, где нужно носить мундир из сукна хотя и самого простого, но все-таки слишком дорогого по крестьянским деньгам, где каждый год нужны новые, довольно дорогие книги, — это было уже не под силу отцу. Мне помогал Владимир Порфирьевич до шестого класса, когда я нашел себе уроки. Когда я из С-кой гимназии отправился в К. университет, он также прислал мне денег и на дорогу и на обмундирование и содержал меня почти целый год, пока нашлись у меня уроки и в К.

Читатель видит теперь, многим ли я обязан Владимиру Порфирьевичу и могло ли во мне родиться к нему какое-нибудь чувство, кроме полнейшей благодарности. На третий год по поступлении в университет я мог последовать мнению Владимира Порфирьевича, что уже не годится моим родным оставаться крепостными крестьянами, когда у них сын и брат — чиновник. Он с самого начала говорил мне, что отпускает нашу семью без выкупа, но думает, что следует повременить выходом ее из нашей деревни до той поры, пока будут у меня деньги для покупки моему отцу участка земли. «Из своей дачи я не могу отрезать ему участка, — говорил он, — потому что эта земля не моя, а мирская. Мирское получает человек даром от мира; но если он хочет иметь отдельную собственность, он должен сам приобрести ее». По окончании третьего года моей студенческой жизни, приехав в деревню на каникулы, я привез с собой сто рублей серебром, и мы с отцом купили у нашего соседа, помещика М., 15 десятин земли. За уплату недостававших денег поручился наш священник, и к следующему рождеству (1849 г.) я мог выплатить всю сумму. В июне этого года мой отец получил отпускную и

приписался к званию свободных хлебопашцев. Этим кончается та часть моей истории, которую надобно знать читателю, чтобы судить о моих чувствах относительно сословия, к которому принадлежит В. П. Каракозов и в котором находится много людей, похожих на него. Благосостояние моей семьи, ее освобождение без всякого выкупа, мое воспитание — всем этим я обязан благородному человеку, властью которого облагодетельствован я со всею своею семьей и которого благословляют все наши поселяне.

Не знаю, справедливо ли мне кажется, но мне кажется, что история, подобная моей, может служить некоторым ручательством за отсутствие односторонних пристрастий во взгляде на задачу безобидной для обеих сторон развязки крепостных отношений. По своему происхождению принадлежу я к крепостным крестьянам. Но всем тем, чем я дорожу теперь, я обязан помещичьей власти. Мои родные и товарищи моего детства, приятнию которых я горжусь и доныне, — из сословия крепостных крестьян. Мой второй отец и многие из знакомых и друзей, приобретенных мною со времени моей университетской жизни, — из сословия помещиков. Я равно желаю добра и тем и другим.

Теперь читатель знает, как думать о чувствах, руководивших моими посильными ответами на вопросы, предлагаемые г. Кошелевым.

Отношения между помещиками и крестьянами представляются мне в том самом виде, как я и мои близкие чувствовали влияние этих отношений к жизни, как я наблюдал их во всем нашем округе, как я находил их почти во всех других областях Великороссии, где мне удалось бывать во время моих странствований. Я далек от такого идеализма, чтобы предполагать во всех поместьях Х. точно то же самое, что в нашей Каракозовке. Дивный порядок, у нас владычествовавший, происходил от редких достоинств людей, его устроивших; я знаю, что такие высокие добродетели довольно редки на земле. Но я полагаю, а читатель согласится со мною, что по редким случаям чрезвычайного, почти идеального развития качеств можно судить о характере быта, в котором развились эти случаи. Я нахожу, что помещики, подобные нашим, могли являться только потому, что вообще отношения помещиков с крестьянами благоприятствовали явлению подобных личностей; я думаю, что герои, как Регул и Гораций Коклес⁴, между римлянами были воспитаны только общим патриотизмом и общею храбростью римлян, что в трусливом обществе такие люди были бы невозможны; я утверждаю, что такие помещики, как наши, могли являться только потому, что вообще наши помещики хороши с своими крестьянами и добры к ним. Изумительно превосходного всегда и везде не много; но где есть превосходное, там много хорошего и мало дурного. Чувства, вли-
тые в меня опытом собственных отношений к помещичьей власти,

и убеждения, внушенные наблюдением над жизнью других, заставляя меня так думать.

Сообразно такому взгляду на отношения между помещиками и крестьянами я понимаю и решение дела об отмене крепостного права. Как вообще помещики до сих пор устраивали свои дела с крестьянами в духе взаимного доброжелательства, так должно быть проведено и это дело. Взаимное доверие и приязнь — вот основания, принимаемые мною. Кроткое, снисходительное уважение каждой из двух сторон к выгодам другой, уверенность найти и в ней такую же взаимность в этих чувствах — таков характер решения, которое признается у меня единственным практичным не только потому, что при таком духе дела легче всего решить вопрос, но и потому, что в настоящих чувствах помещиков к крестьянам и крестьян к помещикам нет никаких других элементов, кроме благоприятных такому ходу дела, — обе стороны, вообще говоря, проникнуты взаимною приязнью, стало быть не только благоразумие, но и самая природа их чувств ведет себя в этом деле путем дружелюбного согласия и полного доверия друг к другу. На этом духе взаимного благорасположения между помещиками и крестьянами основана главная идея моей статьи, а из него вытекают как существенные черты, так и все подробности моих ответов на вопросы, возбуждаемые этим делом.

Путеводною нитью для изложения моих понятий об отмене крепостного права я избираю «Вопросы по сельскому благоустройству», предложенные г. Кошелевым в том же духе взаимного благорасположения помещиков и крестьян и в тех же видах упорочения настоящей их приязни справедливым для обеих сторон и выгодным для обеих сторон кротким решением дела. Вопросы эти разделяются на пять отделов: 1) о крестьянских усадьбах; 2) о наделе крестьян землею; 3) о крестьянских повинностях в отношении к помещику; 4) о крестьянских повинностях в отношении к правительству; 5) о крестьянских обществах и мирском устройстве; вне этих рубрик поставлены еще некоторые отдельные вопросы, служащие дополнением к предыдущим. Таким образом г. Кошелев своими вопросами обнял все дело до мельчайших подробностей с замечательною полнотою. Если бы подробно отвечать на каждый вопрос, пришлось бы написать не одну статью, а длинный ряд статей. Я хочу изложить свои понятия в таком объеме, чтобы можно было разом обозреть всю целостность их; оттого по необходимости я буду рассматривать далеко не все, а только некоторые из этих вопросов, именно те, которые имеют наибольшую важность; остальные легко решаются на основании изложенных главных начал.

Первый отдел вопроса г. Кошелева относится к усадьбам, и на первый из этих вопросов «Что разуметь под крестьянскою усадьбою?» совершенно удовлетворительный ответ дан уже самим г. Кошелевым в его статье «О крестьянских усадьбах», которая

помещена в «Сельском благоустройстве» прямо вслед за вопросами⁵. Я позволяю себе выписать прекрасные слова г. Кошелева вполне:

«Что разумеет под *крестьянскою усадьбою*? Доселе этот вопрос едва ли кем предлагался, и тем еще менее возбуждал он какое-либо разногласие. Дело казалось ясным, и все под *крестьянскими усадьбами*, под *крестьянскою оседлостью* понимали все то, что заключается в селе или деревне и обнесено городьбою или обрыто канавою, а именно: крестьянские строения, гумна, овощники, конопляники, сады, хмельники и выгон. В ином селе ни недоставало одной из этих принадлежностей, а в другом — даже двух, трех; но никому не приходило в голову исключать что-либо из существующей мирской усадьбы и уверять, что или конопляник, или выгон есть часть полевой земли. Теперь, напротив того, не раз приходится слышать подобные утверждения и опровергать доводы, представляемые в пользу таких мнений. Нам кажется, что под *крестьянскими усадьбами* должно разумеать все то, что *на деле* (*de facto*) по местному пониманию составляет крестьянскую оседлость. Если руководствоваться этим правилом, то споров быть не может, и дело решается просто и скоро. Если же допустить от него отступления, то легко натолкнуться на неустранимые затруднения. С *крестьянскою оседлостью* срослась вся *крестьянская жизнь*; изменение в первой повлечет за собой изменение и в последней. Еще можно крестьян по нужде переселить; но и на новом месте необходимо дать им все то, к чему они привыкли; иначе они в устройстве своей жизни будут как бы сбиты с толку. Теперь еще не предполагается отдать им в собственность за выкуп полевые и луговые их угодья; следует по крайней мере оставить за *поселянами усадьбы* по народному пониманию во всей их цельности и неприкосновенности. Мы не стали бы более и говорить о сем предмете, если б не встречали людей, упорно оспаривающих принадлежность выгона к *крестьянской оседлости*. Спрашиваю: есть ли возможность для русского *поселянина* существовать без выгона? Знаю, что в других землях нет выгонов, но там скот держат на стойле и к тому же *поселяне* большею частью живут особняками; в России же мне не случилось видеть деревень без выгона более или менее обширного, который или находится посреди самого поселка или непосредственно к нему прилегает. (В примечании г. Кошелев прибавляет: «Бывают деревни с крайне малым выгоном, внутри поселка находящимся, и вместе с тем с обширным отдельным выгоном, соединенным с *крестьянскими усадьбами* посредством прогона. Тут дело другое: сколько ни нужен для *поселян* такой выгон, но он очевидно принадлежит к полевой земле».) Скажу более: при всяком *крестьянском хуторе*, то есть там, где один зажиточный *крестьянин* живет на своем участке, уже есть непременно выгон. Тут ходит телок *крестьянина*, тут щиплет траву его лошадь,

выпряженная в обеденное время; тут также по пригоне скота остается скот до возвращения хозяина или хозяйки с работы. Без выгона наш крестьянин может менее обойтись, чем без сеней в своей избе, и выключать из усадебной земли эту необходимую к ней принадлежность можно только или по незнанию нашего крестьянского быта или из желания предоставить помещикам права на каждом шагу стеснять крестьян и заводить с ними тяжбы.

«Размеры крестьянских усадеб в различных местностях весьма различны: в иных деревнях усадебной земли бывает менее полу-десятины, в других даже более десятины на тягло. Трудно и по одной губернии определить норму усадебного надела; но можно, думаю, даже необходимо назначить, чего меньше не должны быть усадьбы, потому что некоторые села и деревни у нас крайне тесно поселены, и нужно дать им возможность несколько пораспространиться. К тому же такая прирезка и не затруднительна: легко присоединить к поселку для выгона сколько придется из подсельной пахотной земли; крестьяне будут тем очень довольны, а для помещика нет в том большого убытка. Основываясь на сведениях, собранных мною по разным местностям, я думаю, что меньший размер (minimum) усадьбы мог бы быть назначен по полудесятине на тягло. Но вообще следует строго придерживаться правила: оставлять усадьбы в тех размерах и по возможности на тех местах, как они теперь существуют, и изменять их только в крайних случаях» («Сельское благоустройство», № 1—2, стр. 8—10).

Эти справедливые слова требуют только одной заметки, относящейся к фразе о деревнях с двойным выгоном: «крайне малым» внутри поселка и обширным отдельным, соединенным с крестьянскими полями. Как бы ни назывался последний выгон, но он — точно такой же выгон, как и первый, и точно так же необходим поселянам по совершенной недостаточности одного первого, потому что эти два куска земли, имеющие одинаковое назначение в хозяйстве, должны подлежать одинаковому решению: куда идет первый, туда должен идти и второй.

Второй вопрос состоит в том, как поступать в случае, если нет возможности отмежевать господскую усадьбу от крестьянской. Слово «отмежевать» обыкновенно принимается просто в значении: «разделить границы проведением межи». В этом смысле каждые два участка земли могут быть размежеваны: нет такой земли, которая не допускала бы проведения межи. Итак, мы не можем представить себе такого случая, в котором по справедливости не могли бы быть отмежеваны крестьянские усадьбы от господской. У них есть свои границы; поставьте по этим границам межевые знаки, и размежевание совершено. Но очевидно, вопрос предлагается не в смысле возможности размежевания, а в смысле желания размежевывающихся людей оставить границы в прежнем виде, то есть вместо физической возможности или невозмож-

ности надобно понимать просто желание, личный расчет или каприз того или другого из лиц, участвующих в деле. Когда перемены производятся одними моими желаниями, не будет конца переменам, и мы понимаем, что в этом случае очень часто будут произноситься слова «это невозможно», а под этими словами будет скрываться не больше как такой смысл: «мне это не нравится».

Переменится ли топографический характер земель от изменения сословных отношений между людьми? Вырастут ли новые холмы, изменится ли направление долин, высохнут ли реки оттого, что помещик станет называться землевладельцем, а крепостные крестьяне государственными или вольными? Мы не понимаем, почему для людей одного наименования было бы, например, возможно, положим, гонять скот на водопой по известной дороге, а для людей другого наименования это невозможно? Разве корова или лошадь, идя по тропинке, ведет себя различно, смотря по тому, какое имя дается ее хозяину гражданскими законами? Лошадь государственного крестьянина или вольного хлебопашца так и норовит забежать в овес, если дорога, по которой ходит она на водопой, ведет мимо поля, засеянного овсом; но точно таким же дурным поведением одарена лошадь или корова крепостного крестьянина. Конечно, следует назвать неудобством, когда мужицкий скот ходит на водопой или на пастбища мимо господских полей или огородов, но если эти неудобства не считали необходимым устранить прежде, то не видно необходимости, по которой неизбежно бы прекращать его непременно в одну и ту же минуту с переименованием владельцев скота из одного состояния в другое. Одно из двух: или перенесение усадеб и участков для избежания близких соприкосновений между землями — дело легкое, и в таком случае нечего хлопотать о нем, оно делается само собой без всяких забот; или это — дело многосложное и соединенное с трудностями, и в таком случае нет разумных оснований усложнять и замедлять великое дело освобождения крестьян присоединением к нему этой посторонней задачи, имеющей только второстепенное значение по сравнению с великою реформой сословных отношений; чересполосность дач не имеет никакой внутренней связи с освобождением крестьян; ее уничтожение, конечно, дело полезное, но неблагоприятно хвататься разом за все полезные дела, какие могут представиться нашей мысли: прежде сделаем одно, а потом поочередно будем исполнять и другие задачи, какие покажутся нам нужными. Разделение вопросов — легчайший путь к их разрешению и в науке, и в жизни; если же начать смешивать и спутывать различные вопросы, это ведет только к затруднениям. Прежде всего освободим крепостных крестьян, а потом можно будет заняться и чересполосностью. По всей вероятности, общество, литература и ученые люди тогда и не найдут надобности во всеуслышании

толковать об уничтожении чересполосицы между господскими и крестьянскими усадьбами и полями: там, где от нее не чувствуется неудобств, она может себе оставаться, а там, где возникают от нее неудобства, позаботятся об ее уничтожении местные жители, которые тогда будут иметь совершенный простор для всяких полюбовных сделок. У крестьян (бывших крепостных) какого-нибудь села Ивановки какой-нибудь огород выходит углом к выгону г. Иванова, их бывшего помещика, от этого бывает в огороде потрава: над чем тут ломать голову всем грамотным и безграмотным людям целой Российской империи? Это будет тогда дело жителей села Ивановки и больше никого — они или продадут участок, лежащий неудобно для них, или прикупят к нему смежный участок, или произведут обмен участков для уничтожения неудобной чересполосицы. Это будет их частным делом, разумеется, тогда, когда они получают право покупать, продавать и меняться, как самостоятельные люди. Доставить им это право — вот эту задачу должен решить закон, должно решить целое общество и правительственная власть, а как они будут пользоваться этим правом для устранения мелких личных своих неудобств, это — дело уже собственного их благоразумия.

Освобождение крепостных крестьян — одно дело, уничтожение чересполосицы — другое дело. Совершим первое, и потом второе совершится само собою.

Но есть люди, думающие, что дело освобождения крестьян надобно усложнить, присоединив к нему и изменение разграничения между усадьбами и полями господскими и крестьянскими; мы сказали, что не видим ни надобности, ни логики в таком спутывании разных дел; но те, которые думают усложнить вопрос об уничтожении крепостного права, присоединив к нему вопрос об уничтожении чересполосицы, последний вопрос хотят решать в смысле перенесения крестьянских усадеб и полей. Такое решение предполагается третьим вопросом г. Кошелева:

Если необходимо перенести крестьянские усадьбы, то на чей счет это сделать?

Дело идет об усадьбах, потому будем говорить об усадьбах. Перенесение усадьбы, то есть места жительства, есть переселение. Из людей свободных состояний никому не воспрещается [переселяться] куда ему угодно; потому помещик ныне имеет, а крепостной крестьянин, когда освободится, будет иметь полное право куда ему угодно переселяться, то есть переносить свою усадьбу. Но право делать по доброй воле известную вещь с тем вместе есть право не делать ее, если нет на то добровольного желания; потому никто по закону не может быть принуждаем к переселению, если пользуется гражданскими правами; принужденное переселение совершаться может по закону только над человеком, лишаящимся гражданских прав; гражданских прав человек лишается по закону только за преступление; потому переселение

без доброй воли есть один из видов уголовного наказания; этому виду наказания подлежат люди за преступления очень тяжелые, именно за такие, которые подвергают преступника наказанию розгами от 40 до 100 ударов. Кроме преступников, закон никого не подвергает принужденному переселению.

Мы уже говорили, что выражение «необходимость» совершенно неуместно употребляется вместо выражения «удобство» теми, которые говорят о перенесении усадеб; необходимости переносить их быть не может, но действительно могут быть случаи, в которых перенесение может быть для кого-нибудь удобно или выгодно. Если переселения будет требовать выгода самого переселяющегося, предоставим ему самому увидеть выгоду в переселении, не будем изменять великому принципу всякого законодательства, говорящему, что заботиться о личных выгодах и удобствах своих каждый обязан сам. Государство и правительство не обязаны хлопотать о том, чтобы я держал ложку в правой руке, а не в левой, носил сапоги на ногах, а не на руках, потому что это для меня удобнее: оно предоставляет мне самому понимать, какую рукою подносить мне ложку в рот, как обуваться в сапоги, как соблюдать свои выгоды, каким ремеслом заниматься и где жить; оно справедливо уверено, что человек свои выгоды и удобства чувствует хорошо сам. По этому принципу закон решает и случай переселения: если мне выгодно переселиться, я сам и без всякого принуждения переселяюсь; а с другой стороны, если я добровольно переселяюсь, значит я меняю менее удобное или менее выгодное для меня место жительства на более удобное или выгодное. На [чей] счет должно делаться то дело, которое предпринимается мною для моей выгоды или удобства? Разумеется, на мой счет. Г. Сидоров прежде жил в Твери, лежащей на верховье Волги; ему вздумалось (показалось удобно или выгодно) переехать в Астрахань, лежащую в низовьях Волги на 3 000 верст вниз по течению: на чей счет он переселился и кто был обязан вознаграждать его за издержки переселения? Переселился он на свой счет, и вознаграждать его никто не был обязан: вознаграждением очень достаточным послужили ему те удобства, которые влекли его в Астрахань. По переселению г. Сидорова за тысячу верст с верховьев на низовья Волги легко судить о переселении г. Карпова или просто Карпова, переселяющегося за двадцать верст с верховья речки Безымянки на ее низовье или за пятнадцать сажен, с одного берега речки Быстрой на другой ее берег, также для собственных удобств или выгод.

Другое дело, если человек соглашается переселиться для удобства или выгоды другого; например, подле дома г. Онуфриева в 12-й линии Васильевского острова (в Петербурге) был дом г. Пантелеева. Г. Онуфриеву показалось выгодным приобрести под свой дом дворик г. Пантелеева. Он заплатил Пантелееву сумму, взять которую за свой дом показалось выгодным

г. Пантелееву, и тогда г. Пантелеев переселился из соседства г. Онуфриева в 18-ю линию Васильевского острова, где купил себе новый дом. Случаются и другие примеры. В доме г. Онуфриева жили: в квартире № 24 г. Борисов, отставной штаб-ротмистр, большой любитель соловьев и канареек, а бок о бок с ним в квартире № 25 некто Пафнутьев, мещанин, занимавшийся резьбой на дереве; г. Борисов не чувствовал никакого неудобства в этом соседстве; но вдруг Пафнутьеву вздумалось присоединить к резьбе и столярную работу; в его квартире, прежде совершенно тихой, начался стук; стук этот мешал г. Борисову наслаждаться пением своих соловьев и канареек; соседство стало для него неудобно. В голове г. Борисова родился вопрос, как бы ему избавиться от соседства, ставшего неприятным. Он пошел к хозяину дома и попросил его согнать с квартиры Пафнутьева. Хозяин дома ответил просто и ясно: «Если я по неудовольствию одного жильца стану согнать других, довольны ли будут жильцы моими вмешательствами в их домашние дела? Жилец платит мне деньги, не делает ничего неприятного мне, — по совести, могу ли я обижать такого жильца в угоду другому?» Г. Борисов вернулся на квартиру свою огорченный и раздосадованный. В это время случилось мне зайти к нему. Он излился перед мною жалобами и бранью на хозяина дома. Вышедши из терпенья от нелепых упреков хозяину, в этом деле совершенно правому и притом известному в свете за честного и благонамеренного человека, я нашелся вынужденным прервать едкую речь г. Борисова следующим замечанием: «Пожалуйста, молчите: во-первых, хозяин дома совершенно прав, и вы только стыдите себя вашей неумеренностью в желаниях и пошлым эгоизмом, с которым браните человека только за то, что он не захотел в угождение вам поступить несправедливо; во-вторых, не забывайте, что г. Онуфриев хозяин дома, и, если до него дойдет ваша брань, он, рассердившись, может согнать вас самих с квартиры». Последний аргумент подействовал на г. Борисова, он приутих, и раздраженный вид Юпитера изменился у него на позу мокрой курицы. «Что же мне делать? — произнес он унылым тоном. — Я не могу слышать теперь, как поют мои канарейки». — «Какая мудреная задача в самом деле! — сказал я. — Позовите вашего Алешу». Призвали девятилетнего Алешу. Я рассказал ему, в чем дело. «Как же теперь быть твоему папаше?» — прибавил я в заключение. «Папаша, если вам тут нехорошо жить, пойдемте искать другую квартиру», — сказал Алеша. «Мне кажется, что Алеша понимает дело правильным образом», — заметил я. «Но я так привык к этой квартире, мне не хочется выезжать из нее», — прохныкал г. Борисов. «В таком случае вы можете отправиться к столяру Пафнутьеву и предложить ему вознаграждение, если он согласится уехать из вашего соседства. Но знаете ли, он человек ремесленный, ему подниматься с места тяжело, — сколько возов леса, сколько станков ему перевозить!

Ему нельзя будет взять с вас дешево за переезд. А вам, чтобы перенестись с квартиры на квартиру, стоит только взять в одну руку клетку с соловьями, а в другую клетку с канарейками. Помоему, вам легче переменить квартиру, нежели Пафнутьеву. А впрочем, если эта квартира вам так мила, не жалейте денег, и Пафнутьев с радостью переселится, если только получит вознаграждение, какого потребует». Не знаю, чем кончилась эта история; но верно то, что если съехал с квартиры Пафнутьев, то не иначе, как получив от г. Борисова такое вознаграждение, какое захотел взять, а если переехал с квартиры г. Борисов, то не получил от Пафнутьева ровно никакого вознаграждения.

Из этого анекдота видно, что если я нахожу удобным для себя, чтобы переселился кто-нибудь из моего соседства, то я должен заплатить ему, сколько он потребует; если же я сам переселяюсь оттого, что нахожу чье-нибудь соседство неудобным для себя, то за свое переселение я не должен получить никакого вознаграждения. Он переселяется, чтобы избавить меня от неудобства, то есть я получаю от этого удобство; я переселяюсь, чтобы избавиться от неудобства, то есть ищу себе удобства; за удобство платит тот, кто получает его.

Все эти случаи мы рассказали в предположении, что переселение кому-нибудь понадобится; но мы никак не думаем, чтобы встретилось при освобождении крестьян слишком много таких случаев, в которых переселение было бы действительно очень нужно. Вероятно, так думает и г. Кошелев, — это можно вывести из следующих его слов: «Конечно, во многих имениях помещикам удобно будет остаться на своих местах и сохранить крестьянам их вековые усадьбы; но представится много и таких случаев, когда это счастливое разрешение задачи будет невозможно и когда необходимо будет или тем или другим выселиться. Такие случаи редко встретятся в больших имениях, очень редко в оброчных деревнях; но они могут часто представляться по имениям незначительным и тем чаще, чем имения мельче».

«Часто» — это значит все-таки не «большей частью», «часто» случается то, что случается далеко не каждый день. Справедливо говорит г. Кошелев, что в этих случаях, когда переселение необходимо, оно должно совершаться по добровольному соглашению, «которое одно может устранить затруднения, иначе почти ничем неустраимые». Справедливо говорит он также, что если помещик выселяется из такого села, где у него, кроме дома, нет других заведений, то за переселение не следует ему вознаграждения; справедливо также говорит он, что если выселяются крестьяне, то не иначе как по добровольному соглашению; нам казалось бы только, что понятием о добровольном соглашении устраняется назначение цены вознаграждения общему мерю для целой губернии; нет, пусть цена определится добровольным согласием в каждом отдельном случае. При этом, очевидно, предполагается у

г. Кошелева, что помещик переселяется по собственному желанию, для собственного удобства, а мужики по желанию помещика; но могут быть и обратные случаи, когда желание переселиться самим или склонить помещика к переселению будет со стороны крестьян; в таком случае, очевидно, роли изменяются. Для совершенной ясности мы выразили бы правила, указываемые г. Кошелевым, в следующей форме: 1-е, переселение совершается не иначе как с согласия выселяющейся стороны; ни одна из двух сторон не имеет права требовать от другой переселения, она может только склонять ее к тому посредством предоставления ей вознаграждения; 2-е, тот помещик или крестьянин, который переселяется для собственного удобства, не получает вознаграждения за переселение; 3-е, тот помещик, который соглашается переселиться по просьбе крестьян, или те крестьяне, которые соглашаются переселиться по просьбе помещика, получают вознаграждение от той стороны, которая склоняет к переселению; 4-е, размер вознаграждения за переселение в каждом данном случае определяется торгом или, так сказать, коммерческою сделкою, при которой по общему коммерческому основанию величина суммы зависит только от взаимного согласия двух торгующихся сторон; 5-е, переселение есть факт совершенно независимый от уничтожения крепостного права; оно как по самой идее, так и на деле является уже только последствием этого уничтожения, а потому и вопрос о нем в каждом селе начинается тогда, когда уже решен вопрос об освобождении и следующем за него вознаграждении помещика; одно дело после другого может быть решено спустя целый год или пять минут, но непременно должно быть решено после, а не прежде, потому что, являясь договорным делом, оно для своего совершения предполагает независимость друг от друга договаривающихся сторон.

К этим правилам мы присоединим одно замечание, касающееся отношений переселения отдельных лиц к государственным выгодам. Переселение бывает выгодно для национального труда, когда совершается вследствие материальной выгоды, а не по прихоти или капризу. Если деревня перенесется с места, где нет хорошей воды, на такое место, где есть хорошая вода, это выгодно для государства; но таких случаев нельзя ждать при переселении крестьянских жилищ вследствие освобождения: вообще говоря, крестьяне останутся в пределах той же дачи, и, вообще говоря, в этой даче самое удобное для поселения место бывает то, на котором уже стоит деревня; следовательно, переселение крестьян в наибольшей части случаев будет растратою труда и времени на замещение более удобного менее удобным, то есть будет делом невыгодным для национального труда. (Просим читателя не забывать, что мы говорим только о переселении как о последствии отмены крепостных отношений. В этом деле оно имеет совершенно особенный экономический характер и пред-

ставляется исключением из общего понятия о переселениях, потому что совершается не вследствие экономических соображений, а по изменению юридических отношений). Итак, национальная выгода требует, чтобы размер этого невыгодного передвижения был возможно наименьший. Такая цель совершенно достигается предоставлением его исключительно добровольному согласию переселяющихся. Переселение, как мы видели, предполагается нужным только как средство для избежания неприятных столкновений. Наилучшее средство предотвратить неприятные столкновения между людьми есть предоставить независимость обеим сторонам одной от другой, тогда каждая из них, приобретая содействие или уступчивость другой только собственным содействием ей, естественно проникается дружелюбными расположениями, а при взаимном доброжелательстве очень мало представится поводов к неудовольствиям.

Переселение крестьян по поводу уничтожения крепостного права представляется вообще делом невыгодным для государства. Совершенно другой характер имеет переселение помещика. Землепашец, переселяясь, только сносит свою усадьбу с одного места сельской дачи на другое и обыкновенно должен будет переносить ее с более удобного на менее удобное. Но когда барин, живший в деревне, перемещает место своего жительства, есть сто шансов против одного, что он переселится в город. Полезные для государства последствия переселения в город, можно сказать, неисчислимы. Недостаточное развитие городов — одна из главнейших причин слабого развития у нас всех высших сторон жизни и даже самой торговли с промышленностью, даже земледелие будет подвигаться вперед только соразмерно развитию городов. Переселение многих помещиков из дерев[ень] в города, подняв и оживив города, поднимет земледелие, промышленность и торговлю, будет содействовать развитию нашей общественной жизни и образованности. В выгодах государства надобно желать этого переселения; того же надобно желать и в выгодах самих помещиков. Можно спорить о том, где простолудин образованнее и нравственнее — в городе или в селе, но вредное влияние сельской жизни на некоторых помещиков бесспорно. В городах они сделаются деятельнее и просвещеннее. Если переселение крестьян будет зависеть от добровольного согласия самих крестьян, в селах останутся те помещики, которым действительно надобно по делам жить в деревне, которые старательно занимаются сельским хозяйством или имеют промышленные заведения. Напротив, те, которые живут в деревне без всякого особенного дела, найдут удобным для себя переселиться в города, что будет выгодней для них самих в нравственном, умственном, а потом и в материальном отношении.

За вопросом о том, на чей счет следует производить переселение вообще, следуют у г. Кошелева вопросы: какие пособия или

облегчения необходимы по этому делу помещикам, имеющим менее 21 души, и помещикам, имеющим от 21 до 100 душ. Совершенно одобряя дух, внушивший эти вопросы, то есть признание принципа, по которому человек небогатый, не имеющий силы без затруднений обернуться в деле, легком для человека богатого, должен получить пособие и облегчение, мы с радостью увидели бы помещиков двух названных г. Кошелевым разрядов получившими всевозможные вспоможения не только по частному вопросу о переселении, но и вообще по всему делу уничтожения обязательного труда. Само собой разумеется, впрочем, что эти облегчения должны вытекать из общих источников, а не в частности из особенных условий, которые возлагались бы именно только на их крестьян. С сохранением этого правила мы готовы признать справедливыми всякие меры в преимущественную пользу помещиков двух названных разрядов перед остальными помещиками. В том плане, который излагается у нас ниже, объяснены преимущественные выгоды, которые мы находили бы удобными дать им. Но если другой кто-нибудь придумает еще выгоднейшие меры в их пользу, согласные с справедливостью, мы готовы поддерживать все такие меры, вполне сочувствуя выгодам означенных двух разрядов помещиков.

Должны ли крестьянские усадьбы после выкупа оставаться мирскою собственностью или частною собственностью каждого семейства, и какие должны быть права на усадьбы мира и отдельных крестьянских семейств? — спрашивает далее г. Кошелев. Этот предмет — едва ли не самый многосложный во всем крестьянском вопросе, хотя занимает в нем не очень видное место и нимало не касается отношений помещиков к крестьянам, относясь только к отношениям одних крестьян между собою. Его нужно рассматривать отдельно и подробно. Нам казалось бы, что основанием тут должно быть поставлено различие между жилищем, то есть избою или домом с двором в теснейшем смысле слова, и другими принадлежностями усадьбы. Двор без всяких неудобств для общины мог бы быть частной собственностью; крестьянин мог бы продать его кому угодно, не стесняя никого из земледельцев того села, но другие принадлежности усадьбы, именно гумно и конопляник, относящиеся уже специально к земледельческому быту, он мог бы продать только земледельцу, приписанному к той общине или даже и это право могло бы быть подчинено различным условиям. Таким образом мещанин, занимающийся мастерством, или торговец мог бы свободно селиться в деревне, купив у крестьянина дом или часть дворового места для постройки дома; но участие в поземельных сельскохозяйственных принадлежностях дачи земледельческой общины имели бы постоянно только земледельцы этой общины. Село через это оживилось бы присутствием торговых и промышленных элементов, и самая ценность дворов и изб поднялась бы, но неотъемле-

мость сельскохозяйственных принадлежностей у крестьян сохранилась бы.

Это дело имеет важность для крестьян совершенно независимо от вопроса об уничтожении крепостного права; оно принадлежит не к отношениям помещика с крестьянами, а равно касается и государственных и удельных и всяких других крестьян. Так или иначе устроятся крестьяне, помещику не будет от того ни выгоды, ни убытка. Другое дело следующий вопрос.

Как ценить крестьянские усадьбы? Как поступать в тех местах, где усадьба составляет главную и значительную ценность имения?

Г. Кошелев в своей статье об усадьбах совершенно справедливо замечает, что это вопрос самый существенный и самый трудный. «Оценка вообще вещь не легкая, — говорит он, — но особенно трудно ценить то, что отдельно не существует, что в понятиях наших всегда соединено с чем-то другим и что не составляет предмета продажи и купли. В понятиях как помещичьих, так и крестьянских усадьбы с прочими угодьями составляют одно целое. Разъединить их в представлении, на плане, в описании — весьма возможно; но оценить их порознь есть дело не только трудное, но в некоторых случаях едва ли возможное». Основываясь на этом чувстве русских людей, не понимающих земледельца, не владеющего землею, не понимающих земледельческой усадьбы без пашни и лугов, мы думаем, что выкуп с землею легче, нежели выкуп без земли и что оценивать крестьянские усадьбы вместе с полевыми землями, находящимися во владении у крестьян, легче, нежели оценивать их без земли. Закон, данный высочайшими рескриптами, постановляет только наименьший предел того, что должно быть дано крестьянам при освобождении; он говорит только, что без усадьбы освободить крестьян не позволено; но следует ли присоединить к усадьбе также все полевые и другие земли, находящиеся во владении крестьян, — это оставляется законом на обсуждение общества. Мы решительно думаем, что усадьба без полевой земли не должна существовать потому, что неразрывная связь усадьбы и земли требуется и государственною пользою и национальным убеждением. Поэтому оставляем без ответа вопрос об отдельной оценке усадьбы, как вопрос, не приложимый к нашей жизни, и переходим ко второй части вопроса г. Кошелева, именно к вопросам надела крестьян землею.

Первый вопрос г. Кошелева состоит в том, какое количество земли можно считать достаточным, по выражению высочайших рескриптов, для обеспечения быта крестьян и для выполнения ими обязанностей перед правительством и помещиком. Ответ может быть двоякого характера: теоретического или практического, то есть может быть выводим из отвлеченных соображений или состоять только в принятии на бумаге факта, всеми признаваемого

в жизни. Вступать на теоретический путь, пускаться в соображение о том, какое количество земли *может* быть достаточным для достижения указанной высочайшими рескриптами цели, мы не советовали бы, потому что дорожим выгодами помещиков и желали бы такого устройства поземельных отношений, при котором осталась бы у помещиков наивозможно большая пропорция земли. Слово «может» — слово вероломное; за него можно взяться с целью сократить количество земли, отводимое крестьянам, но что, если оно неожиданно приведет к результату совершенно противоположному; мы поясним это примером хотя бы такого рода.

Я живу на квартире с одним хорошим знакомым; вдвоем мы занимаем три комнаты и находим, что помещение для нас достаточно; но если вы спросите меня, какое помещение *может* считаться достаточным для одинокого человека, каков я или мой товарищ по квартире, я по совести должен буду отвечать, что порядочную жизнь невозможно вести одинокому человеку, занимая меньше как три комнаты одному. Необходимо человеку иметь кабинет для занятий, необходимо иметь спальную и необходимо иметь хотя небольшую, но ничем не занятую комнату для приема посторонних людей. Каждый должен будет согласиться со мною: в самом деле, очень неудобно не иметь отдельной комнаты для занятий, очень неудобно не иметь спальной, отдельной от кабинета, и т. д. Результаты вопроса в том, какое помещение *может* считаться достаточным, результаты этого вопроса для моих квартирных отношений с моим товарищем, как видим, не совсем удобны.

Потому станем решать вопрос о наделении землею просто на основании фактов общественного сознания, а не на основании теоретических рассуждений, следствия которых были бы менее выгодны для лиц, выгодами которых я, как сказал, дорожу. В таком случае ответ бесспорен:

Достаточным для обеспечения быта крестьян и для выполнения ими обязанностей перед правительством и помещиком полагается такое количество земли, какое на обыкновенном житейском языке в данной местности считается достаточным.

Ответ, как видим, похож на знаменитую формулу Фихте: $A = A$, Я есмь Я, земля есть земля, достаточное количество земли есть достаточное количество земли. Он ясен, точен и бесспорен; сомнений и произвола он не допускает. Итак, предположим, что в известной местности те из крепостных крестьян считаются достаточно наделенными землею, которые имеют по три десятины в поле на тягло; в этой местности существует, положим, три имения, каждое по 100 тягол; земли принадлежит к одному три тысячи десятин, к другому две, к третьему полторы. Во всех трех достаточный надел крестьян землею одинаков, именно девятьсот десятин пахотной земли, кроме луговой, лесной и т. д. Затем в каждом из трех имений остается больше или

меньше земли, в которой нет необходимости крестьянам для обеспечения своего быта и для выполнения своих обязанностей перед правительством и помещиком.

Надел крестьян землею должен быть в каждой местности таков, какой по общему мнению земледельцев считается достаточным наделом. Таков практический житейский ответ на первый вопрос. Второй вопрос так же легко решается с тем же общественным сознанием.

«Можно ли при определении количества земли, достаточного для обеспечения быта крестьян и т. д., принять в соображение местные промыслы, коими крестьяне ныне дополняют недостаток или непроизводительность земли?»

Самый вопрос уже говорит, что такой надел недостаточен в некоторых случаях. Если земля не обеспечивает быта крестьян потому, что она не производительна, мало способна к земледелию, увеличение пропорции крестьянской земли мало послужит к улучшению их быта; но в таких местах землею мало дорожат помещики, и мало хлопочут о ней крестьяне; стало быть, тут не следует ожидать особенных споров о пропорции земли; сколько захотят взять крестьяне, столько и согласится дать им без большого убытка для себя помещик; сколько захочет оставить себе помещик, столько и согласится оставить ему без большого убытка для себя крестьяне. Совершенно иное дело в тех поместьях, где земля хороша, но крестьянам отдана слишком малая часть ее. Если тут крестьяне ищут себе подмоги в промыслах, они делают это не от физической необходимости, положенной природою, а от случайностей, которые как вносятся, так и устраняются человеческою волею. Цель для этой воли указана высочайшими рескриптами: в тех поместьях, где дача заключает в себе довольно земли для достаточного надела крестьян, но где еще не произведен достаточный надел, он должен быть произведен.

Из всего сказанного следует, что норма, нами принимаемая за основание успешности каждого гражданского дела, именно довольство известною мерою тех людей, в пользу которых она производится, — эта норма служит наилучшим средством при решении вопроса о наделении крестьян землею.

Такой надел земли, которым вообще довольны крестьяне в известной местности, есть именно тот надел, о котором говорят высочайшие рескрипты.

В некоторых местностях, где земля слишком дурна, крестьяне могут желать малого надела; таким селам не нужно навязывать лишней земли против того, сколько они хотят взять.

В других местностях, где земля хороша, бывают села, в которых крестьянам отдана слишком малая часть дачи; тут можно наделить их достаточнее прежнего, когда они сознают, что прежний надел был недостаточен. После этого почти не нужно отвечать на третий и четвертый вопросы:

«Возможно ли установить для каждой местности нормальный надел землею?» — «Не лучше ли удержать нынешний тягловый надел?» Для каждой местности должно установить нормальный надел, меньше которого не может быть дано крестьянам, если они сами не пожелают взять меньше. Если настоящий тягловый размер в известном виде немногим ниже этого нормального надела или выше его, этот нынешний надел будет удержан; если же он много ниже нормы, он должен быть увеличен.

Итак, мы принимаем три основания для надела крестьян. Самым основным служит согласие и довольство крестьян; затем имеет силу нормальный размер надела: если крестьяне не хотят взять меньше, то им не дано будет меньше нормального надела; после этих двух оснований имеет силу третье: если нынешний надел не ниже нормального надела и если крестьяне не хотят сами взять меньше, нежели владели, сохраняется нынешний надел.

Из этих оснований видим, что во многих случаях дело будет решаться фактическим положением вещей в настоящее время, во многих других случаях — общественным сознанием, выражающимся в желании крестьян, и затем часто по обоюдному соглашению помещика с крестьянами; последнее будет иметь место в тех селах, где крестьяне до сих пор находились в хорошем состоянии и где потому они и помещик были взаимно довольны друг другом и одинаково довольны настоящим распределением господской и крестьянской земли. Совершенно ошибаются те люди, которые воображают, будто последних случаев не очень много: напротив, чрезвычайно многие помещики считаются у крестьян хорошими и добрыми помещиками и пользуются их любовью. Едва ли не должно сказать, что в большей части великорусских губерний большинство помещиков и крепостных крестьян находится в подобных приятных отношениях; по крайней мере так мы знаем о губерниях, в которых бывали.

Но исключительно предоставить установление надела крестьян во всех случаях обоюдному соглашению помещика с крестьянами (вопрос 5-й) было бы неудобно, потому что обоюдное соглашение, иначе свободная переторжка, есть принадлежность только тех дел, в которых и та и другая из двух договаривающихся сторон имеет одинаковую возможность не заключать договора, если он ей кажется невыгодным, и бросать начатое дело без решения. По вопросу же о наделении крестьян землею ни помещик, ни крестьянин не имеют возможности такого произвола — оставлять дело нерешенным. По необходимости они должны кончить его, следовательно, не имеют произвольности в своих действиях. При таком условии договор не может быть законною формою, а закон должен постановить какую-нибудь норму; договор же может участвовать в решении дела только фактически, а не юридически.

Выше, говоря о размежевании усадеб, мы выразили мнение,

что уничтожение чересполосности и освобождение крепостных крестьян совершенно различные дела, из которых последнее не должно быть запутываемо через смешение с первым. Сообразно этому надобно отвечать и на (6-й) вопрос г. Кошелева о полевых землях:

«Как разделить землю крестьян от господской там, где она еще не отделена к одному месту и где узкость дачи или недостаток водопоев или разнокачественность почвы или иные причины тому препятствуют?»

Фактически крестьянская земля отделена от господской везде, кроме тех многоземельных областей, в которых нет постоянного места запашки, а постоянно поднимаются под пашню или новины, или земли, оставшиеся в залежи. Но в таких местах разделение земель не представляет никаких трудностей: нужно только отвести крестьянам такое число десятин, чтобы они могли при прежней системе залежей иметь тот размер полей, какой нужен для обеспечения их быта. Во всех других областях, где нива имеет постоянное место, крестьянские земли фактически отделены от господских. Границы этого разделения могут быть не совсем удобны, но если до сих пор помещик и крестьяне не предпринимали ничего для отстранения этого неудобства, то нет разумного основания, чтобы они непременно затрудняли себя хлопотами об этом именно в ту минуту, когда у них и без того на руках гораздо важнейшее дело — решение дела об отмене обязательного труда: если терпели неудобство в продолжение десятков или сотен лет, когда была совершенная свобода заняться его устранением, то можно потерпеть этими хлопотами еще год или два, когда время и мысли заняты другим, гораздо важнейшим делом. Сначала кончим это важнейшее дело, — отмену крепостного права, а потом, когда будет свободное время заняться другими делами, займемся уничтожением чересполосицы, если по разделу, при котором совершена отмена крепостного права, окажется чересполосица, и если от этой чересполосицы будут чувствоваться неудобства. Далеко не [во] всех селах она окажется, и далеко не во всех тех селах, где окажется, будут от нее чувствоваться неудобства; потому и вопрос об этих неудобствах будет не общим государственным вопросом, даже не губернским, даже не уездным, а чисто частным вопросом того или другого села в отдельности и будет решаться в этом самом селе, так что и слух о нем, не только забота о нем, не перейдет за пределы села.

При таком ответе на вопрос о разделе излишне отвечать на седьмой, восьмой, девятый и десятый вопросы, основанные на предположении, что уничтожение чересполосности будет производиться одновременно и в связи с отменой крепостного права. Если помещики в продолжение десятков и сотен лет не думали размежевываться с своими соседями — помещиками, то, повторяем,

нет необходимости предполагать, что они не могут прожить год или два в чересполосице с крестьянами.

В заключение той части вопросов, которая относится к наделу крестьян землею, поставлен, наконец, коренной вопрос всей реформы, производимой благодетельною волею государя императора, — вопрос о предоставлении полевой земли и других угодий в собственность крестьян. Этот вопрос выражен г. Кошелевым в двух пунктах:

11) Не будет ли выгоднее и удобнее присоединить к усадьбам и полевую землю крестьян? 12) Нет ли средств к предоставлению всей крестьянской земли или части оной в собственность крестьян с удовлетворением помещиков за землю, которой они лишатся?

Нет никакого сомнения в том, что присоединить к усадьбам полевую землю крестьян выгодно и удобно как для государства и для крестьян, так и для самих помещиков; надобно прибавить, что та же выгода государства, крестьян и помещиков требует присоединить к усадьбам и к земле все те угодья, которые необходимы для земледельческой жизни, именно луга, леса и прочая в той пропорции, в какой необходимы они для осуществления цели, указанной в высочайших рескриптах, именно для обеспечения быта крестьян и для выполнения ими обязанностей перед правительством и помещиками. Замечаемое в некоторых колебание по этому вопросу происходит никак не от недостатка уверенности в пользе и гуманности такого решения, но единственно от предположения, что выкуп крестьян с землею и угодьями потребует таких громадных сумм, уплата которых была бы затруднительна. Это предположение может проистекать только от неясного понимания отношений различного рода существующих имуществ к производительным силам нации и к средствам уплаты, возникающим для нее из этих сил; оно поддерживается недостаточным знакомством с могуществом пособия, оказываемого финансовым операциям системою кредита и банков; оно может держаться в мыслях человека только до той поры, как он ясно поймет средства нации для выкупа и характер действия, придаваемого этим средствам финансовою наукою.

Нет такой ценности, существующей в данное время в известном государстве, которая не могла бы легко и скоро быть куплена теми ценностями, какие постоянно создаются трудом и жизнью нации. В политической экономии эта аксиома подтверждается следующим образом.

Все те имущества и ценности, которые завещаны известному поколению нации предками, далеко не равняются по своей стоимости той массе ценностей, которая производится трудом этого поколения в течение немногих лет. Если бы всю Францию или Англию со всеми теми богатствами, какие находятся в ее пределах, оценить так, как оценивается поместье или дом, то стоимость

всей этой земли со всеми ее имуществами и ценностями, с нивами и лесами, строениями и капиталами, далеко не равнялась бы той массе ценностей, какая будет вновь произведена.

[Продолжения нет.]

Письмо к В. А. Каракозовскому о способах выкупа крепостных крестьян с землею

Ты хочешь, любезный друг, чтобы я своими бухгалтерскими приемами помог тебе представить в точнейшем виде планы, которые ты имеешь в виду; ты просишь меня составить сметы по тем основаниям, какие ты нашел справедливыми и удобными для выкупа крестьян с землею. Исполняю твое желание и радуюсь, что мои занятия по банкирским делам оказываются пригодными теперь не для одних выгод фирмы, в которой я служу, но получают применения и к общественным делам. С удовольствием составляю требуемые тобою сметы по данным тобою основаниям, но с тем условием позволяю тебе пользоваться ими, чтобы ты вместе с выводами из расчетов, составленных мною по твоим основаниям, сообщил публике и мои замечания против оснований расчета, тобою принимаемых. Ты не хотел согласиться со мною — быть может, в публике найдутся люди, менее тебя расточительные на трудовые деньги помещика.

Ты принял оценку выкупа, по моему мнению, слишком высокую; ты принял и заем для немедленной уплаты слишком большой; наконец ты положил на этот заем слишком высокий процент. Те, которые, подобно мне, каждый день сидят над коммерческими расчетами, поймут, как сильно ты ошибался, думая, что не важны какие-нибудь лишние пять рублей выкупа на душу, какой-нибудь рубль лишней выдачи посредством займа, какие-нибудь две десятые доли процента на этот заем. Мы, купцы, знаем, что значит каждая лишняя копейка, — она тянет за собою рубли и тысячи рублей. Сколько случаев бывало на моих глазах, когда от одной копейки в цене покупаемого или продаваемого хлеба зависели десятки тысяч рублей выгоды или убытка! Расскажу один случай, памятный в нашей конторе. У нас было две тысячи берковцев сала, купленного по 42 руб. 20 коп.; на другой день после покупки нам дали по 42 р. 50 к., мы продали и остались в барышах; у другой фирмы было три тысячи берковцев, купленных по 42 р. 45 к., ей также предлагали продать за одну цену с нами, но, очевидно, прибыль от такой продажи не стоила хлопот, и продажа не состоялась. На другой и третий день цены стояли прежние, с четвертого стали падать и через месяц стояли уже на 3 р. 50 к. [за пуд], и повышения не предвиделось. Таким образом фирма, удержавшая сало, понесла потери более 20 000 рублей серебром, и вся эта потеря вышла из-за двадцати пяти копеек. Повторяю тебе,

в коммерческом расчете важна каждая копейка, нельзя одного гроша передать лишнего, не потеряв убытку на десятки тысяч. Потому-то я и не согласен на лишнюю передачу рублей, на которую ты так нерасчетлив.

Начнем с твоей оценки выкупа. Ты кладешь выкупную плату средним числом за душу с землею по 80 рублей. Я не занимался русскою статистикою настолько, чтобы мочь проверить в настоящую минуту те факты, из которых ты выводил среднюю величину дохода с тягла; но полагаю, что ты ценишь этот доход слишком высоко, считая его в 20 рублей серебром; я знаю, что во многих поместьях получается гораздо больше, но дело в том, что доход с поместья далеко не весь получается от тех предметов, которые подлежали крепостному праву. Вычти весь доход с фабрик, заводов, овчарен, мельниц и других промышленных заведений, принадлежащих помещикам. Все эти заведения остаются у помещиков, стало быть не входят в цену крепостного отношения, ныне выкупаемого. Вычти также все другие отрасли дохода, получаемого помещиком [по]мимо крепостного права, вычти, сверх того, проценты с оборотного капитала, употребляемого помещиком на самое земледелие, как-то: семян, земледельческих орудий господского хозяйства и проч., и ты увидишь, что в имении, состоящем на запашке, едва ли останется и 15 руб. с тягла дохода от чисто крепостных отношений, подлежащих выкупу. Среднюю цену оброка также нельзя положить более 15 руб. с тягла, — я знаю, что во многих местах берут больше, но таких мест не много; я знаю, что и в других местах встречаются поместья, платящие оброк более высокий, но тогда все кругом говорят, что оброк этот слишком высок; злоупотребление не есть правило; притом же ты сам говоришь, что помещиков, злоупотребляющих своею властью, у нас очень немного, стало быть и злоупотребления их властью так редки, что не имеют влияния на среднюю величину оброка. А сколько есть обширных местностей, в которых величина дохода с тягла несравненно менее? Знаешь ли ты, что, например, в Витебской губернии получается много, много 10 рублей серебром с тягла, да нет, и того не получается. Итак, я полагаю, что ты сильно ошибся, приняв доход более 15 рублей с тягла. Но повторяю, что не имею теперь времени подробно доказать тебе это, — справки потребовали бы довольно много времени, а ты меня завалил работой; потому пусть будет пока по-твоему, принимаю 20 рублей дохода с тягла, хоть и думаю, что этот доход преувеличен тобой. Пусть будет, говорю я, 20 рублей с тягла. Но сколько тягол принимаешь ты в ста душах?

«Положим число тягол наполовину против числа душ, — говоришь ты, — будет с души по 10 рублей дохода». Где ты нашел именье, в котором на сто душ было бы 50 тягол? В оброчных имениях полагают 45, в состоящих на запашке и того меньше, так что чуть ли не много будет считать и по 40 тягол; во многих

имениях считается тягол только третья часть со всего числа душ, но положим, 40 тягол. Ты сам говорил мне, что оброчных имений вдвое, а может быть, и втрое меньше, нежели издельных; будем считать хотя вдвое; что выходит? На двести душ издельных считай сто душ оброчных; в оброчных ста душах 45 тягол, в издельных двухстах душах 80 тягол, всего 125 тягол в трехстах душах; в общем числе приходится на сто душ менее нежели 42 тягла. Будем считать 42 тягла. С каждого ты сам положил дохода по 20 рублей (что, повторяю, по-моему, слишком много); по твоему собственному счету должно выходить со ста душ (42 тягла) всего только 840 рублей дохода или по 8 рублей 40 коп. с души, а ты считаешь со ста душ 1 000 рублей и с души по 10 рублей. Зачем же ты накинул 1 рубль 60 коп. лишних?

Иду дальше. Как теперь считать ценность души со всеми угодьями, принадлежащими к поместью, то есть как с теми, которые выкуплены, так с теми, которые должны остаться у помещика? Ты полагаешь 130 рублей, а сам говоришь, что поместье дает у хорошего помещика 8% продажной цены. Зачем же ты переводишь доход с поместья в капитал по расчету дохода менее 8%? По твоему собственному счету дохода в 10 рублей с души должна выходить ценность души со всеми господскими и крестьянскими угодьями всего только 125 рублей; зачем же ты накинул 5 рублей? А по моему расчету, без твоей неправильной надбавки 1 руб. 60 коп. в доходе с души, выходит еще меньше. Я тебя уличил, что по твоему собственному счету 20 рублей дохода с тягла следует считать с души не 10 рублей, а 8 руб. 40 коп. дохода. Я перевожу этот доход в капитал по расчету 8%, и выходит ценность души со всеми угодьями господскими и крестьянскими 105 рублей.

Видишь ли, мой друг, как тянет за собой лишняя копейка лишний рубль? В одном месте при своей смете накинул ты 1 р. 60 к., в другом месте накинул выше основательной капитализации какую-нибудь четверть процента, и оказалось, что погрешил ты против правды очень много, наложил на крестьянскую душу лишних 25 рублей.

Этим не кончены мои тебе упреки за расточительность на трудовые деньги. «Ценность имения слагается в настоящее время, говоришь ты, из двух элементов: один из них — ценность земли, другой — ценность обязательного труда». Полагая, что земля, отходящая к крестьянам, должна быть выкуплена по своей полной ценности, а обязательный труд — на половину своей ценности, ты находишь, что сумма выкупа должна составлять не более 60% всей цены имения в его настоящем размере. Сначала я принимаю это отношение, по моему мнению слишком высокое, и тут опять уличаю тебя в ошибке при переложении счета с процентов на сумму. Ты сам определил ценность души в 130 рублей; 60% с этой суммы составляют только 78 рублей, зачем же ты

положил ценность выкупа в 80 рублей? Опять ты преувеличил мужицкую уплату на 2 рубля.

Но ты знаешь теперь, что подобными ошибками в предшествовавших выкладках ты вывел слишком высокую цену для всего имения; я доказал тебе, что вместо 130 рублей вся ценность поместья простирается по цифрам, которые тобою самим даны мне, только до 105 рублей. С этой последней суммы, которая и есть точная сумма по твоим собственным основаниям, 60% составляют только 63 рубля, — вот истинная величина выкупа по твоим собственным основаниям. Ты обременил выкуп мужика лишними 17 рублями, — тяжелый грех сделал ты по неосмотрительной своей расточительности на трудовые деньги мужика.

Я сказал, что проверяю только твои выкладки, не имея времени проверять самых оснований, взятых тобою для этих выкладок. Счастье твое, что у меня нет времени для проверки твоих оснований; к чему привела бы она, ты можешь судить по одному случаю, в котором я имею перед глазами данные, из которых выведены твои основания. На грех себе, ты внес в данную мне записку те соображения, по которым ты полагаешь величину выкупа в 60% всей ценности поместья. Ты говоришь, что в издельных имениях цена земли составляет около четырех пятых частей всей ценности имения, то есть 80%, а остальная пятая часть ценности, то есть 20%, состоит в обязательном труде. Не думаю, чтобы на деле было так: ты слишком малую часть положил на долю дохода, доставляемого не землею, а обязательным трудом. Спроси любого русского статистика, он скажет тебе, что ценность обязательного труда нельзя считать в издельном имении меньше, как в третью часть всей ценности имения. Но положим на него только ту долю, которую кладешь ты: я хочу поймать тебя на другой погрешности, еще более осязательной. Из 80%, заключающихся в ценности земли, говоришь ты, 50% надобно считать на крестьянскую землю, а 30% на господскую. Бойшься ли ты бога? Я знаю, что во многих поместьях крестьянские поля имеют размер несколько больше господских, например на себя мужик получает по две десятины в поле, а на помещика обрабатывает по полуторы десятины; но и тут отношение не как 5:3, а только 4:3, и по этому отношению на крестьянскую землю приходится из 80% только 45,7, а не 50; на господскую же остается не 30, а целых 34,3. Но ты сам знаешь, что далеко не во всех издельных имениях крестьянские поля настолько больше господских, а во многих поместьях даже и вовсе не больше их. В этом один твой грех, другой в том, что ты забыл о лугах, лесах и рыбных ловлях: во всех этих угодьях на долю мужика отдается гораздо меньше, нежели оставляет за собой помещик; из лесов крестьянину дается только на домашний обиход, а излишний лес помещик продает исключительно в свою пользу; наконец, если в поместьи есть значительные рыбные ловли, помещик отдает их в откуп также исклю-

чительно в свою пользу; если бы ты не упустил из виду этих угодий, если бы не ослепила тебя одна пахотная земля, а принял бы ты в соображение все сорта поземельных угодий, принятое тобою отношение между господскою и крестьянскою землею вышло бы вовсе не то, какое ты положил: оказалось бы, что пространство и ценность поземельной собственности, оставленной помещиками в своем исключительном пользовании, гораздо больше, нежели предоставлено в пользование крестьянам. Я сказал, что у меня нет времени для наведения справок, но одна справка достается мне без больших хлопот, и я тебя уличу ею. Из двенадцати уездов Киевской губернии у г. Фундуклея показано точное отношение господской и крестьянской земли в одиннадцати уездах, именно во всех уездах, кроме Чигиринского, о котором не было собрано точных сведений⁶. Всего в одиннадцати уездах пахотной земли под господскими полями 749 021 десятина, под крестьянскими 861 759 десятин, — крестьянам, как видишь, отвели помещики несколько больше, нежели оставили под своею запашкою, но разница эта вовсе не так велика, как ты принимал; положив отношение 5 : 3, ты считал, стало быть, на сто десятин господской земли 166,66 крестьянской; на самом деле даже и под запашкою приходится только 115 десятин. В других же угодьях уже и совершенно не то, что предполагается твоим основанием выкладки. Например, сенокосной земли помещики предоставили крестьянам 187 366 десятин, а в своем исключительном пользовании оставили 260 124 десятины; таким образом на 100 десятин господских лугов приходится только 62 десятины крестьянских. Разница в этом одном уже слишком покрывает противную разницу в запашке: у крестьян пахотной земли на 112 тысяч десятин больше, нежели у помещиков; зато у помещиков на 73 тысячи десятин больше лугов, нежели у крестьян, а десятина луга гораздо дороже десятины пахотной земли. Стало быть, если приложить к пахотной земле луга, то окажется по этим двум статьям вместе, что ценность земли, отведенной крестьянам, никак не больше ценности земли, оставленной помещиком в своем исключительном пользовании. А если ты не упустишь из виду леса и другие угодья, то окажется, что у помещиков в исключительном пользовании остается ныне гораздо больше земли, нежели сколько предоставлено ими крестьянам, и долг крестьян несравненно меньше того, как можно было бы предположить, не справившись с положительными данными. Как ты думаешь, например, каково это отношение в одиннадцати уездах Киевской губернии, о которых я представляю тебе точные цифры? Всего в этих одиннадцати уездах принадлежит к поместьям крепостным 3 149 611 десятин, из них предоставлено в пользование крестьянам под усадьбы, под пашню, под сенокос и проч. 1 934 381 десятина; остается в исключительном пользовании у помещиков под помещичьими усадьбами, пашнями, сенокосами и другими угодьями, приносящими

доход исключительно помещику, 1955 230 десятин. Краснеешь ли ты теперь за свою погрешность? Чувствуешь ли, как она огромна и безбожна? Ты полагал, что из 80 % в пользование мужику отдано 50 %, а вот оказывается по одиннадцати уездам Киевской губернии, что мужику отдано 30,33 %, а у помещика осталось 49,67 %, то есть почти как раз наоборот против того, что ты полагал. Ты скажешь, что в других губерниях, быть может, предоставлено мужику больше, нежели в Киевской. Быть может, а может и не быть; я тебе представил цифры, так не отвечай же ты мне пустым словом «может быть», — ведь я на него могу отвечать тебе таким же «может быть», именно так: таково отношение в Киевской губернии, где барщина вообще гораздо меньше, нежели в великороссийских губерниях, а в великороссийских губерниях, так как барщина там больше, то и часть земли, остающаяся в исключительном пользовании помещика, может быть еще больше, нежели в Киевской губернии. Согласись, что в моем «может быть» больше вероятности, нежели в твоём: мое основано на размере барщины, а твоё равно ни на чём не основано.

Посмотри же, в какой погрешности я тебя уличил: ты полагал, что за выкуп крестьянской земли приходится 50 % всей ценности поместья в издельных поместьях и 10 % за выкуп обязательного труда, всего, по-твоему, 60 %. А я тебе доказал, что за выкуп земли причитается всего 30 %, стало быть, и весь выкуп в издельных поместьях составляет только 40 %. Какова твоя щедрость на трудовые деньги мужика? На целую половину ты наложил на него лишнего выкупа в издельных имениях. Побойся бога, мой милый, постыдись людей!

Хотел бы я точно так же переговорить с тобой и об оброчных имениях; и тут я утешил бы тебя не хуже того, как утешил разбором твоего выкупа в издельных имениях; но, повторяю, нет у меня времени для приискания справок: ты завалил меня работою, потому до поры до времени оставляю неприкосновенной принятую тобою пропорцию выкупа для оброчных имений: пусть будет выкуп их в 60 % против всей ценности поместья. Довольно мне и представленных уже мной улик в твоих погрешностях; ты увидишь из расчета, прилагаемого мною к тем выкладкам, которые я произвел по твоему поручению, что единственно твоя неосмотрительная расточительность на рубли и копейки, в которой я уличил тебя, заставила тебя желать прямого содействия от общества мужикам в деле выкупа. Если бы ты строго держался принятых тобою оснований для выкупа, то оказалось бы совершенно достаточной для быстрого выкупа всех крепостных крестьян с землею и угодьями такая добавочная подать на них, которую ты сам признаешь необременительной. Именно без всякого обмена выкупных облигаций на долги в кредитные учреждения, то есть, как ты называешь по первому способу выкупа, полный выкуп совершился бы при подати в 3 руб. 50 коп. с души в девят-

надцать лет с половиною, а при подати в 4 рубля с души — в шестнадцать лет с четвертью. По второму же твоему способу, то есть с принятием облигаций в уплату долгов по кредитным учреждениям, выкуп всех облигаций и всего долга потребовал бы при подати в 3 руб. 50 коп. с души только одиннадцать лет с четвертью, а при подати в 4 рубля с души — всего только девять лет с половиною.

Из этого ты увидишь, что только нерасчетливость в рублях и копейках приводила тебя к мысли желать прямого пособия от общества мужикам в деле выкупа: ты справедливо говорил мне, что всякое имущество, как бы ни казалось [оно] огромно, легко и быстро выкупается или покупается трудом того сословия, которому оно нужно, лишь бы только ценность этого имущества не преувеличивалась неправильною оценкою. Ты не поостерегся ошибок, казавшихся тебе мало[ва]жными, и только от того ценность имущества возросла в твоём слишком щедром расчёте до размеров, несколько затруднивших тебя. Исправь свои недосмотры по моим замечаниям, и ты увидишь, что крепостные крестьяне со всеми своими угодьями могут выкупиться гораздо быстрее и легче, нежели ты предполагал, и убедишься, что обществу не будет никакой надобности делать пожертвования для облегчения им выкупа: выкуп, повторяю, очень легок для них самих без всякого пособия, лишь бы оценка была правильная.

Впрочем, не думай, чтобы ту оценку, которую произвожу я по твоим же основаниям, только поправляя твои недосмотры, мог я по совести назвать уже достаточно правильной. Выкуп по ней уже довольно легок для мужика, но я нахожу ее все еще очень много преувеличенной против истинной меры: основания, которые ты берешь для оценки, кажутся умеренны по сравнению с основаниями, какие принимают у других писавших о величине выкупа еще неосмотрительнее, чем писал ты; по сравнению с людьми, гораздо более тебя расточительными на трудовые деньги мужика, ты представляешься справедливым к той и другой стороне, к помещикам и к мужикам; но от истинного беспристрастия ты все еще далек: к стороне помещиков ты склоняешься гораздо более, нежели на сторону мужиков.

Трудно было и ожидать от тебя чего-нибудь иного: ты издавна живешь исключительно в кругу людей образованных; в этом кругу очень много помещиков, можно сказать, что они составляют в нем большинство; но мужика нет в этом кругу ни одного; почти нет даже и таких людей, как ты, то есть сколько-нибудь близких к мужику по своим родственным воспоминаниям. Из тысячи людей образованного общества всего бывает два-три одинаковых с тобою по родственным связям; да и те сроднились с классом, их принявшим, и отстали от класса, из которого вышли⁷.

Я должен сделать тебе еще замечание о немедленной уплате и процентах долга, заключаемого с целью произвести ее. Ты гово-

ришь, что немедленная уплата выкупа необходима для мелкопоместных владельцев, которые затруднились бы ожиданием тиража. Это правда, но так как по займу для немедленной выдачи выкупа платится более высокий процент, нежели по облигациям, то не надобно забывать цели, с которою производится эта выдача, и не следует увеличивать ее размеров выше необходимости. Большие владельцы непременно пользуются значительным кредитом, потому для них легко обождать тиража шесть или семь лет, а может быть и меньше. Мне кажется, что немедленная уплата всего выкупа или части его необходима только для помещиков, имеющих менее 500 душ; потому в своих выкладках, служащих дополнением к произведенным по твоему поручению, я для них оставляю такую уплату в пропорции, принимаемой тобою или еще высшей; для помещиков, имеющих от 500 до 1 000 душ, немедленную выдачу я кладу только исключением на частные случаи в пользу лиц, по своим особенным обстоятельствам действительно нуждающихся в немедленном получении выкупных денег; что же касается больших владельцев, имеющих свыше 1 000 душ, их значительный кредит ставит их в возможность оказать услугу обществу, дожидаясь полной уплаты выкупа посредством тиража.

Этим значительно уменьшается размер долга, делаемого для немедленной уплаты, а через то облегчается как уплата процентов, так и самое заключение долга. О процентах долга я также должен заметить, что ты также принимаешь их слишком высокими. Ты не довольно постигаешь всю огромность лишних расходов, которые влечет за собою незначительная, повидимому, разность в одной или двух десятых частях процента. Ты положил заем по 4,8%, между тем как облигации нашего 4½-процентного долга стоят на Лондонской бирже *à pari*. Повышение в 0,3 процента, принимаемое тобою, слишком высоко. 4,6 процента на сто дают для 4½-процентного займа курс 97,83. Два процента, составляющие разность этого курса с курсом наших 4½-процентных облигаций *à pari*, послужат уже слишком достаточным привлечением для негоциации такого займа, какой предполагается у тебя, то есть займа со скорым выкупом. Итак, я полагаю, что довольно положить на иностранный заем по 4,6% вместо 4,8%, которые считаешь ты. Сверх того, я думаю, что по крайней мере третья часть займа, нужного для немедленной уплаты выкупа, может быть реализована привлечением капиталов нашего внутреннего рынка, для которых и 4% будут выгодным помещением, когда они помещаются так обильно в кредитные учреждения за 3%. Таким образом в сложности внешний и внутренний долг будет обходиться не выше 4,4 процента.

Замечу еще: ты очень односторонен в своем предположении об источнике доходов, из которого предполагаешь уплатить выкуп. Ты говоришь только об оброке или подати освобождаемых

крестьян, иначе сказать — о поземельном налоге только на одну половину земель, находящихся при крепостных имениях, именно землю, отходящую к крестьянам; между тем поземельному налогу в равной степени может и, вероятно, будет подлежать также и другая половина этих земель, остающаяся за наделом крестьян у помещиков. Этот источник дохода, очень обильный, ты упускаешь из виду; если бы ты принял его в соображение, ты нашел бы возможность выкупу совершаться гораздо быстрее и легче. Предположив, что этот забытый тобою источник даст только одну половину того, что дадут крестьянские земли, мы останемся далеко ниже истины, потому что земли, долженствующие давать этот забытый тобою доход, превосходят крестьянские земли и пространством, и ценностью. Но даже и по этой слишком умеренной раскладке выкуп облегчится и ускорится чрезвычайно значительно, именно в следующей пропорции:

При налоге на крестьянские земли, равняющемся подати в 3 руб. 50 коп. на душу, оставшая половина бывших крепостных земель даст по крайней мере 18 550 000 рублей в год, а всего с податью от крестьян (37 450 000) — 56 миллионов в год, и для уплаты процентов и погашения на каждую четверть года будет приходиться 16 000 000.

При такой уплате полный выкуп всего долга и всех облигаций совершится по твоей оценке (80 руб. выкупа за душу):

по первому способу (без всякого пособия со стороны общества мужикам) в $22\frac{1}{2}$ года. У тебя этот способ признавался совершенно невозможным;

по второму способу (с обменом облигаций на долги в кредитные учреждения) в 15 лет. У тебя этот способ признавался неудобным, хотя и возможным, растягивая выкуп на 28 лет. Теперь он оказывается удобным.

При налоге в 4 рубля по первому способу в $17\frac{3}{4}$ лет. У тебя этот способ признавался невозможным.

По второму способу в $12\frac{1}{4}$ лет. У тебя этот способ растягивал выкуп на $22\frac{1}{4}$ года.

Столь же чувствительно облегчение для помещиков и для мужиков и при тех размерах выкупа, которые нахожу я более близкими к истинной ценности выкупаемых имуществ. При 63 руб. выкупа на душу по первому способу выкуп производится при 3 руб. 50 к. подати в $15\frac{3}{4}$ лет.

По прежней выкладке с односторонним налогом он требовал $27\frac{1}{2}$ лет и оказывался неудобным. Теперь он не только удобен, но и легок.

По второму способу в 10 лет. С односторонним налогом он требовал 17 лет.

При подати в 4 рубля. По первому способу в 13 лет. С односторонним налогом он требовал 23 лет.

По второму способу в $8\frac{1}{2}$ лет. С односторонним налогом он требовал 14 лет.

Наконец при выкупе по 49 руб. 25 коп. с души выкуп производится:

при налоге в 3 руб. 50 коп. по первому способу в $11\frac{1}{2}$ лет. С односторонним налогом он требовал $19\frac{1}{2}$ лет.

По второму способу в $7\frac{1}{2}$ лет. С односторонним налогом он требовал $11\frac{1}{2}$ лет.

При подати в 4 руб. по первому способу в $9\frac{3}{4}$ лет. С односторонним налогом он требовал $14\frac{1}{2}$ лет.

По второму способу только в 6 лет. С односторонним налогом он требовал $9\frac{1}{2}$ лет.

Какой же из этих способов, представляющихся легкими и совершенно удобными при последнем выкупе, наиболее близком к истине, надобно положить наиболее легким для общества, для помещиков и для мужиков, я предоставляю судить другим. Мое дело — предложить выкладку, исполняя чужое поручение по данным основаниям, — много-много, если я найду у себя время и способность проверить эти данные. Судить о том, какие из вычисленных мною удобных способов допускаются финансами общества, этой смелости я не беру на себя: пусть рассудят другие, более меня сведущие.

Я сказал все, что имел сказать для облегчения важного дела, занимающего ныне всех русских, и мне остается только приложить к этим замечаниям выкладки, сделанные мною как для исполнения твоей просьбы, так и для исправления твоих погрешностей. Не подосаудь на меня, любезный друг, за то, что я выставил наружу твои погрешности, — ты сам знаешь, что в важных делах, если сделал ошибку, то не надобно медлить ее исправлением.

Твой А. Зайчиков.

Сметы,
составленные к статье г. Каракозовского
бухгалтером г. Зайчиковым

I

Предварительные понятия о сильном влиянии даже малых изменений в капитале, проценте и уплате на продолжительность платежа и величину суммы, выплачиваемой до полного погашения капитала.

[Продолжения нет.]